

БОРИС ЛУКИН

84(2)6-5
Л-84

ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ

Поэт **Борис ЛУКИН** – автор нескольких поэтических книг, критик, переводчик, сотрудник «Литературной газеты», отец пятерых детей – человек самобытный, интересный, и, похоже, счастливый, что для мира литературы, признаю, положила руку на сердце, редкость.

Я попросил его рассказать о себе: «*Русофил. Но западную классическую литературу продолжаю любить. Нашёл счастье и отдохновение в семье и творчестве. Давно перебрался с семьёй за город, живём в селе между Рузой и Верей. В этом году ласточки свили пять гнёзд под нашей крышей... К Православию шёл трудно... Грехов – тьма. Борюсь по мере сил. Вот бы ещё друзей столько, сколько грехов*».

...И стихи его – стихи счастливо-го человека. И ласточки, в конце концов, прилетают только к счастливым людям. Мне так в детстве казалось, и не вижу никаких причин, чтобы перестать в это верить сейчас.

Из интервью
Захару ПРИЛЕПИНУ

(Полный текст читайте
на сайте АПН или по адресу:
www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess)

БОРИС ЛУКИН

ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ

КНИГА СТИХОВ

Читателям
Национальной
Библиотеки Хиксони
от автора

и с памятью
о воскресенье 17.03.24

Фукс

БОРИС ЛУКИН

ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

«НОНПАРЕЛ»

2008

Борис Лукин. Долгота времени: Стихотворения. – Москва: «Нонпарел», 2008. – 80 с., иллюстрации, суперобложка. Художник Н. Баженова.

В новую книгу Бориса Лукина «Долгота времени» вместе со стихами, написанными в последние годы, вошли избранные произведения из ранних книг. Автор знаком читателям по многочисленным публикациям в отечественной и зарубежной периодике последних лет, предыдущим книгам и выступлениям на радио. За плечами поэта интересная и сложная жизнь. Период взросления его поколения выпал на переломные для России годы – последнее десятилетие XX века. Здесь следует искать корни библейских мотивов стихов этого периода, включённых автором в сборник.

Борис Лукин – Член Союза писателей России, живёт в Москве. Работает в «Литературной газете». Редактор специального молодёжного приложения «ЛГ» «Литературный резерв». Лауреат VIII Артиады народов России.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-902992-10-1

Copyright © Boris Lukin 2007 © 2007 Б.И. Лукин
Иллюстрации Н. Баженова © 2007
Буквицы Н. Ибрагимов © 2007
Оформление Б. Лукин © 2007

ГАЛЕ,
ЛЮБИМОЙ,
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

ержавина чарующая лира
Опальной не была ни дня –
Лавируя меж одой и сатирой,
Господней воле он не изменял.
О чём тогда печалиться поэту?
Творения его не канут в Лету.
Алмаз души сиянье сохранит.

Воистину в словах вся слава мира.
Речист поэт – гулёна и смутьян,
Ему в веках простят любой изъян.
Молчанья только не простят кумиру.
Един Господь! – на том уста сомкну...
Но вправлена вся жизнь моя в строку:
И рай, и ад – и этим жив пиит.

ЭТА КНИГА

ладок скрип половиц...
...суперобложки о книгу стихов.

Верно, это из детства и снится;
и рукой не достать
— далеко.

Понадеяться,
жить
и, гляди-ко, —
в этом сумрачном, тяжком и диком,
иногда удаётся прижиться.

Мир —
так вот
ты
каков!

Боже мой,
как же сладко нам спится!
...и любви сей, нарушив покой,
не заспать, добежать, прислониться,
рассказать всё странице другой.

КАМЕНЬ

ПОНЯТИЕ О ПРЯМОМ ПУТИ

Ещё не знаю тебя, Россия, ещё не знаю.
Я сытым видел и колос спелый, и соль на хлебе.
Я помню, в детстве была такая страна лесная,
Где твердь отвесна, где вяжут тело земные хляби.

Как всё знакомо. В тебе, Россия, извечный трепет
Осенней стаи, что вдруг вернётся, а снег не стает.
Зима заронит страну лесную в карман, как гребень.
Я это знаю. И я учился по книгам старым.

Светает. Листья повсюду. Ветер проворен, шумен.
Вот мчит. Вот шагом. В России всякий ворон считает.
Сугубо русский – порой блаженен, порой разумен.

Уютней дали, покуда осень, как глаз навькат.
Однажды выбрав, не замечаю заметных выгод.
Но я не знаю тебя, Россия, как знают стаи.

1989

ЛЮБОВЬ

Уходит время в память, в холода,
Как дальняя гроза, теряя силы.
Наверное, не всех, но навсегда,
Нас выбирает по сердцу Россия.

И хорошо. Мы всё переживём.
Столь разные два берега так рядом,
Случайно... Коль не вспомнят о живом,
То и живому этого не надо.

Ночь перестала... Как тебе спалось?
А всё-таки, природа не бессильна.
Откуда же, скажи, душе далось
Предчувствие рождения и ливня?

Откуда же уверенность, что дождь
Напоит корни и поднимет травы,
И Бог так любит бережно, что всё ж
Зло сгинет, не найдя на нас управы?..

...И словно в детстве унимаем дрожь.

1991-2003

ГЛИНА

Я этому учился так давно, и с этим
жить. Всем существом в поэте
и жить, и мучиться.

Всем существом в поэте быть в разладе,
когда мечта о слове, как о яде,
о верном друге, о подручном.

И вот тогда скрипеть и липнуть
к Земле, и вмешиваться в глину,
в состав её давно изученный?

Тогда – шалеть от русской бабы,
её повиннейших ухабов,
хлебов, излучин,

поскольку рядом...
почувствовать, что жизни – мало,
что и не надо лучшего,

так я привык к твоим оковам.
Понять ли с берега другого,
почто весло не льнёт к ключичине?

И жить... и жить: нет-нет, о, Родина,
и вспомняешь, мой Бог, и вроде бы
всяк назовешь, а всё – лишь ключница.

Приобрету ль доверие искусством
рассказывать истории, турусить?
Всё вольности житейских дум...

В ночи и сонмище волков
дарует лучший мир. В ладу
в подлунном – кровь и глина

под говорок твоих оков,
о дивный, дивный.

1991

ВЕЧЕР. ВЕЧНОСТЬ. ЛЮБОВЬ

Александр Сергеевич,
площадь нарушена снегом;
отсыревшая сталь близоруко припала к стеклу, —
это вечер;
а вечность,
пока переводятся стрелки, —
это просто безумье,
в котором себя берегут.

Ни к чему теперь вязкое слово —
условность разлада,
если к лучшему смыслу названия рек по весне;
если
горстью снегов
облетает прохлада
на продавленный берег,
свернувшийся лодкой во сне.

Для чего тогда страх
постепенно расшатывал тени?
Примерзая к стеклу, безупречно звенят береза;
пересохшая муха роняет крыло на колени, —
Так же тени?
Так же души скользят?

Может, жизнь?
Сгоряча выбираем посильные сети,
узнавая случайность по звёздам,
по росчерку звезд,
а тем более равных;
наверное,
боги и дети
остаются на память
страницами избранных мест.

Охраните,
что кажется лишним,
любое,
измельчённое в пыль:
слишком частый желанный глоток
для себя самого —
так никчемно закончить любовью,
невзначай усложняя раскрывшийся птицей итог.

До вчерашнего дня
вся минувшая нежность на плечи;
вот и вороны белы, едва улетев от огня;
только вовсе не значит,
что стало пленительно легче;
мне успеть бы понять,
что так просто, казалось, понять.

Те из нас,
кто писал, только вечности вторя,
той, что так за окном промелькнула легко;
мы, друг друга не встретив,
вели разговоры;
так порою стоишь и глядишь
в эту тьму за окном.

1993-2004

СОВРЕМЕННОКИ

С. Щербакову

Бог сводит... На счастье – родиться в России.
Вот выбор свободный, где нас не спросили.

Наверное, знали, – нам жить-тяготиться
за дальнею далью живущей столицей.

Гудят мостовые. Зовёт – колокольный.
Дорожки кривые, но выбор свободный.

И помыслы – в небо, а ноги – к погосту:
богатым ли, бедным, хозяином, гостем.

... И как это важно, в котором крестились,
чтоб стало не страшно с молитвой и в силе.

А жизнь бесшабашная – торбой заплечной,
с землицею – нашей, судьбинушкой – вечной.

Не нами поставлено, нам – не разрушить;
дорога – всё дальняя, всё вечные – души.

ИСКУШЕНИЕ

В. Сдобнякову

Известно, что умрём...
И страшен звук пустой
над этой суетой,
стремящейся пожрать
всё сущее под солнцем,
когда бы не мечта,
что миром правит Бог.
... И оттого сей ад
Ломает так и корчит.

КАМЕНЬ

А всё-таки – жизнь.

Какое яблоко без пятнышка?
Какая женщина не ведьма до любви?
Какое солнце, если некому назвать его?
Какие мы, когда и травы на крови?

А всё-таки – жизнь!

С её распутицей вечернею,
стёртой землёй на полустанках
по берегам
подстать течению,
движению,
стремленью кануть.

А всё-таки – жизнь!

Увидеть яблок зёрна на свет.
И помнить крылья, как сбитая птица.
Развеять печаль с губ любимой,
наветы зная и небылицы.

А всё-таки — жизнь.

Словно крылья расправить;
усталого лета почувствовать силу в глуши.
Вольно и молчать, и слова выговаривать.

Так было в начале... И камень с души.

1991

Странно будет, если не успею
И тебе всего я не скажу...
Это я мальчишкой был несмелый:
Помолчу и взглядом провожу.

А девчонка думала, наверно:
«Фу, опять не смог поцеловать».
Перед ней я открываю двери.
Ждёт она... а я ищу слова.

Не нашёл тогда... А вот сегодня,
Словно в роще майской соловей,
Для тебя пою при всём народе.
И один мне слышится ответ.

— Да-а... — ты говоришь. И вторит эхо
Долгим вздохом радости твоей.
Млечной пеленой ушло за реку
И вернулось песней на заре.

Окольцован — слаще нет неволи,
Чем объятья милой хоть на миг.
Это счастье знает ли любовник?
Если знает... точно не хранит.

2007

ЗАВЕТНЫЕ СЛОВА

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

В декабре по утрам сани
снаряжает детвора,
за долами и лесами
есть высокая гора.

С той горы до неба можно
сгоряча достать рукой,
оттолкнуться и, о Боже,
удержать себя другой;

заглядевшись, как по небу
тучки медленно плывут
и срываются, окрепнув,
снегом,

вниз

под гору,

в тьму!

В тьму... где звёзды зажигают
и с любовью смотрят вслед,
потому что твёрдо знают,
что на свете смерти нет.

1997

РОДИТЕЛЬСКОЕ

Бабочка в окно влетела
Сквозь стекло, на нём же села.
Мама, как-то между делом
Посмотрела.

Это мне сегодня снилось.
Папа. Мама. Все мы вместе.
Лето. Утро. Время сбилось
Или просто стало местным.

Бабочка в окно влетела.
На стекле остановилась.
Папа встал, два шага сделал,
А во мне сердечко билось...

Это время незаметно
Возвращало землю, небо...
Только вас давно здесь нету...
Как вы? Что вы? Где вы? С кем вы?..

ОДИНОЧЕСТВО

Где-то здесь – в шуме,
времени,
в пустоте,
в трёх кварталах от ветра на побережье –
спит мой ангел,
один из тех,
что на землю спускаются всё реже и реже.

А в подушке
комками – к перу перо...
Ангелу
хоть бы что,
а мне не уснуть.
... И, скажи на милость,
что ему вдруг взбрело
рядом жить,
появляясь которую уж весну?

А луна за окошком такая –
в окно не влезть.
И сопит мой ангел, как в детстве,
и видит сны.

... И какую дано
принести ему весть?

Что не будет
времён иных
и миров иных?

...Интересно,
а что у тебя в твоём лёгком сне?
Ты когда-нибудь падаешь в пропасть
иль просто в тьму?
Я вот тоже летаю
порою с ней,
с любимой, единственной, —
грешный...
Когда обниму.

А когда
и у пропасти дно, и у неба твердь,
и луна
отражает свет глаз её,
хоть гоним прочь;

мы на ухо шепчем друг другу,
шепчем:
— Ангел мой!
И она
засыпает рядом,
как ты, точь-в-точь.

ЕСЛИ Я ЗАХОЧУ ПОВТОРИТЬ...

Что же, любимая, стало?
Сердце предчувствиям вторит:
и второпях побежало
лестницей в каменный дворик.

Надо спешить! этим бредят
тысячи тысяч с лишним...
Мы же с опаской, намеренно,
слушаем ночь и не дышим.

Где мы? И что нами движет?
Страх ли перед Всевышним?
Мысли чужие из книжек
или
думы о ближнем?

Что же – всё мысли о ближних?
Взять – повычёркивать лишних,
всё,
что случается: лишь бы,
как бы,
авось, что не вышло.

Видишь, звезда над крышей,
в мире, нам ставшим страшным...
Было ли что-нибудь краше
и недоступней, и ближе?

Вымолвить слово – не смеешь,
с эхом играть не рискуешь...
Как эту бездну измеришь?
Как без меня-то будешь?

Так бы и грохнулся оземь
ветром побитым колосьем!
Это совсем не угроза.
Осень.

Жмуришься...
Будто от света.
...лишь бы...
опять до рассвета...

Пару словечек заветных
ты мне шепни:
– Жить и жить бы!

Тише, любимая, тише.
Слушаем ночь и не дышим.
Стали два сердца – одним.
– Ну же,
ещё повтори:
– Ты...и... Я...

Это мы – говорим!

2003

НОЧНОЕ

Анюте

Представляешь, всё растает —
вся картинка за окном;
словно книжицу листает
кто-то вечный перед сном.

Будет век двадцатый сниться
«во-первых строках» —
так становится страницей
лист черновика;

прежде, чем опять увидим
за окном простор,
любят где и ненавидят,
и болтают вздор.

И за нас совсем не страшно,
всем чертям назло,
потому ещё, что наше
время не пришло.

2003

В ПУТЬ (Из романа)

Проснувшись, Маргарита не заплачет.
Сегодня, наконец, произойдёт,
Я верую, – шептала, – знаю, значит,
За что страдать я буду наперёд.

Мне послана пожизненная мука.
Сознаюсь в том, что я жила таясь,
Но счастливо; нельзя нам друг без друга,
Душа моя.

А сон, вообразите, сон был вещий.
Сквозь тот же серый, серый, серый день.
Там местность есть. Корявый мостик с речкой
И огород, и банька сквозь плетень.

Ни дуновенья... Может быть, осинка.
... И тянет сделать чёрти знает что.
Какой, скажи, неведомой тропинкой
Сюда забрёл бы человек живой?

Но это он. Его узнаю сразу.
В какой бы век нас не забросил рок,
На языках я поняла бы разных –
Ты звал меня, но сам придти не смог.

Довольно далеко, и вот ты рядом.
Живой иль мёртвый приходил за мной?
Я всякому тебе, поверишь, рада –
И это счастье женщины земной.

В тот самый день Москва уже шептала
Нелепости. (Представьте, кутерьма
И шуточки.) Ей штукек мага мало.
Страстная пятница. Текла над миром тьма.

В течение трёх суток градом правят;
Такое да в России – навсегда.
И как тут не воскликнуть: Боже правый...
Осталось верить, сам хоть не видал.

Тьма опустилась с неба. Бездна, Богом
Рожденная, пропала. Дальше тьма
Столь много поглотила, о, так много,
Что заново века пришлось назвать.

Всё, как и было сказано, свершилось.
И с той поры на свете смерти нет.
И с этим счастьем жить в Ершалаиме...
Нет безнадежней места на земле.

Хотелось бы узнать, что было дальше,
Но всё осталось и погребено
Под болтовнёй красавицы Наташи.
О, женщины! О, тот ещё бином.

Пред зеркалом в передней хохотала
Над ерундой, а мысль веретеном:
– Да жив ли он? Я всё бы в раз отдала
Хоть дьяволу, и душу заодно.

– Изволите ли видеть, это можно;
И так же просто, как арестовать.
Жив человек и, в сущности, ничтожен,
Внезапно смертен, вам пора бы знать.

Как странно, никакой надежды в мире
Тем, кто остался, больше ни на что.
Поверите? Как дважды два четыре:
За нас с тобой всё в жизни решено.

Луна одна в вечернем чистом небе,
Была видна – свободна и легка.
Прости меня... пора, забудь о ведьме.
Совсем забудь. Прощай же – на века.

– Скорее, милый, милый Азazelло;
Как столько я могла прожить томясь?
В ночь перед воскресеньем вспомнит тело
Душа моя.

Теперь уже возможно... что угодно.
...Заплатанный, заштопанный, кривой –
Свой переулок. Как она свободна:
Арбат, Москва уже над головой.

А что теперь? Невидима! Свобода!?
Летит она куда-то из Москвы
Сорокового рокового года,
Где жили вы, и где родимся мы.

Так отпускают созданных героев
По узенькой дорожке от луны;
Спасибо музам, может быть, не скоро,
Но непременно встретятся они.

На этом не кончается история.

ПЕСЕНКА О РАЗЛУКЕ

Ты не всё ещё сказала...
Я не всё ещё сказал...
Ты — не всё что в жизни знала.
Я — не всё что буду знать.

Тихо-тихо...
шито крыто...
Над тобой
и над детьми
Ангел мой расправит крылья
от невзгод и тьмы.

— Кто уедет?
Я уеду?
Ты отсюда...
я — сюда.
Будем мыкаться по свету
без уюта и следа.

...Что же ты ещё сказала?
— Нет в разлуке ничего...
(Между строчками искали
боль и счастье моё.)

— Нет в разлуке ничего,
Кроме взгляда твоего,
Кроме рук твоих, в пространство
открывающих окно.

Ни за страх и не в угоду,
За дыханье у плеча
выбирают несвободу.
Сгоряча?

— А зачем тогда свобода
да и жизнь, зачем родной?

— Ни за страх и не в угоду...
...И срываешься домой!

Что просрочено, прожито, —
Не случится никогда.
Это просто пережитки,
Что мы канем без следа.

И хотя об этом спорим,
Не узнаем ни за что.
Ну, давай, с тобой повторим
Нашу песенку ещё.

Ты не всё ещё сказала.
Я не всё ещё сказал.
Я тебя всю жизнь искала.
Я всю жизнь тебя искал.

2003-2006

ЗАСТОЛЬНАЯ

Это мы вернулись издалёка,
Где бывало чаще одиноко,
Чем, когда у Господа под боком,
На земле, где жили предки, потом,
Кровью вспоенной, слезой...
Мир как мир, не добрый и не злой;
Свет как свет, особенно весной,
Серый, грязный, но для жизни годный.

Это, если не было героев,
Победивших, с красною звездою,
Жизнь влачащих тихо за горою,
За кордоном, за бугром, за тем
Временем, где горе и потеха,
Где фонарь и улица, аптека —
Да и не стихи, не безнадега,
Дёготь ночи и кварталы стен.

Это мы прорвались издалёка,
Где порой бывало одиноко;
И за суетой не вспомнишь столько,
Сколько здесь случилось пережить.
Свет, как свет, и мир, как мир: не добрый
И не злой, во многом нам подобный.
В нём, хотя и говорим свободно,
Но живём, не смея полюбить.

РОМАНС

Чтобы всё это начать
говорить,
нужно было прежде сына родить,
прежде встретиться в гостях иль кино
и задуматься о жизни иной.

В этой жизни
нет свободы себя,
всё что делаю,
то ради тебя,

ради нас
и ради сына,
и вот...
— прежде,
милый мой,
останься живой

на войне,
когда за двадцать чуть-чуть...
и до этого не знали уют.
И стерпеть, и пересилить себя,
было трудно так,
что сердце до пят.
Это после,
когда с фронта пришли,
ох, пожили бы с тобой от души,
если знали бы, что это душа,
если дали бы пожить, не тужа.

Вот и встретились с тобой навсегда...
... И от прошлого ни слов,
ни следа.

Было это и не с нами, а в том
мире,
где мы
под звездой и крестом...

Будем
к сыну
мы во снах приходить...
Ну, а прежде
его нужно родить.

Слово за словом,
хотя бы в словах...

будем мы с тобой опять
оживать.

2004

CAMOË MOË

Упала сгнившая скворечня...

Н. Дмитриев

У соседа упала скворечня,
Потому что соседушки нет.
Пусть ничто в этом мире не вечно,
Мы столярим с сынишкой чуть свет.

Ничего, что всю заднюю стенку
Выел ветер, и дождь исколол,
Мы готовим другую на смену...
Забиваем гвоздочки с углов.

Да, у нас и своя есть скворечня,
Но весною гостей нам не счесть.
Пусть с рассвета до зорьки вечерней
Соревнуются – кто побойчей.

Подлиннее мы жердь выбирали,
Чтобы рыжий наш кот не достал.
Чуть не всю семью водружали
Это зная крыла и хвоста.

Знамо дело, есть чем мне заняться,
Но душа б не спокойна была...
Пишет сын свои детские святцы,
За всю жизнь их не выжечь до тла.

2007

СЧАСТЬЕ

День четвёртый зимы.
Это счастье, вот-вот оно, вскоре!...
И года выплывают из тьмы,
Словно звёзды. Все, кажется, в сборе.

Торопясь, мы садимся за стол
И болтаем, болтаем о чём-то.
Двадцати нет. На всех нам лет сто.
Впереди так же много, что сбились со счёта.

Так довольны мы жизнью своей,
Что порою немеем от счастья.
Может быть, дорожа ею всей,
В том мгновении так и остаться,

Нарушая законы и света, и тьмы?..
Мы бы вспомнить потом ничего не смогли,
Но, что ждёт нас, узнать бы успели.

Всё, что будет на свете: на этом и том,
Шепчет детям и внукам, и нам перед сном
Тихий ангел, сошедший с небес.

ПОБЕГ

Так убегают от пожара
в груди,
вы-вы-вытягивая жало...
Гляди!

Так догоняют, потерявши
себя,
а если это и неважно,
то спят;

а потому, что это просто
во сне:
придти и, завернувшись в простынь,
как нет.

Травинка вырастет, былинка,
и всё...
А тот, кто воронов накликал, —
не в счёт.

Все, что заплачут, зарыдают,
запьют;
вас, безымянных, всех и дальше
люблю.

БОЛЕЗНЬ

1.

Хорошо болеть, чтоб всё забылось.
Чтобы жар, и всё пылало в нём.
И тахта, и море – всё разбилось
об утёс подушки, пере-вере-рнём.

Бредит, бредит милый... нежно, сладко.
Это так-то в бане на полук;
и душа, нет – тело прежде радо:
кожей всей и небо, и песок.

Простыни... кто их песком насыпал;
и душа, как в детстве голова,
кажется, в Руслане и Людмиле,
может и отдельно доживать.

...И опять был сон. Глазам младенца
всё знакомо. Сбылось. Рождество.
Ночь плывёт на огонёк погреться
вот уже как несколько часов.

2004

2.

Бог сна стоял у изголовья
и что-то вечное шептал...
Ко лбу болящего с любовью
так прикасаются уста.

Ты помнишь жар невыносимый
и боль, и страх, и суету, —
и кажется, что не по силам
всё это дотерпеть к утру.

Словно метелица заносит,
врываясь с улицы в дома...
...Всё медленней звучат вопросы,
ответы все лишь в слоге «-ма-».

Терпи, запоминай, что шепчет
столь редкий гость в твоём доме
на том единственном наречье,
не данном смертным никому.

2007

ВСПЯТЬ

*Священнику
о. Геннадию (Борисову)*

Потому и болеем, что люди.
Словно осенью: стынь и дожди.
Память вспять опрокинет в простуде –
Вот и выдалось время пожить.

То ли бред, то ли сон, то ли небыль,
Заглядевшись, нырнёшь с головой,
И не надо ни света, ни хлеба,
Если воля вокруг и покой.

Это – мама приносит лекарство.
Это я – улыбаюсь врачу
В том единственном, может быть, царстве,
Где подольше остаться хочу.

О, сколько можно говорить о прошлом,
о скоротечном и о невозможном,
о самом прочном, если время вспять;
о том,
чего нам будет не хватать,
не важно, сколько бы потом не прожил.

...Почувствовать себя опять в том странном,
далёком, прежнем, милом, безвозвратном,
в котором всё известно наперёд...
и это всё — окончено,
и вот —
каким в итоге было кратким...

А счастье, может быть, дорожкой —
той, что за горку, под гору...
Придёт. За чередой сложной,
когда я сам всё повторяю.

А под гору идут с корзиной
из дальнего того леска,
за кладбищем, речной низиной...
их тень по солнцу коротка.

Чей голос это, чьё движение,
чьи имена и годы чьи?
Какое смелое решение
окликнуть их.
Смелей! Кричи!

Идут.
С корзиной полной — к тризне.
Что им сказать на их пути?
Спросить о том,
о сём,
о жизни
и с ними под гору идти?

Мои-то спят ещё, быть может.
А солнце смотрит сквозь стекло.
И свой я здесь, а не захожий...
Иначе быть и не могло.

За кладбищем, когда стемнеет,
несутся к небу огоньки.
Мне в детстве так хотелось с теми,
что у костров... и далеки.

...Что к дому движутся,
а справа
от них и слева на горе —
кресты...
и слышно, как по травам
они шагают на заре!

Чугунно, гулко... босы ноги...
Весь жар и страсть — всё отдала
земля,
и светятся дороги,
белы,
как от костра зола.

Посвящается В. Белкову

Назвали память Мнемозиной
и зачеркнули пару строк.
А стих не выдержал и смолк,
как будто пассажир транзитный...
Перрон. Вокзал. Он сбился с ног,
забыл, где запад, где восток –
и вот присел он – с толку сбитый...
Ещё он вспомнит, дайте срок,
ещё он скажет между строк
зачёркнутых и любопытных,
как над перроном свет высок,
и как, между людьми, разлитый,
горяч
прощальный холодок.

НОСТАЛЬГИЯ

Если бы все расстоянья,
если бы все расставанья
складывались в воспоминанья
или хотя бы в сны!

Только вот не дождёшься!
А вроде всем сердцем рвёшься,
мечешься...
Ну, чего же
радостного вдали?

Пишешь, что и тебе так,
кануло бы бесследно,
друзи да книги!
Тщетно!
Проехали и прошли!

Где это, с кем это сердце?
— Вот оно, там, за дверцей,
в пальчиках костяных!

— Так что, давай-ка бросим
всё, что на сердце носим,
этот осадок вины...

Ну, а теперь обратно,
где не страшны преграды
и не пугает ночь,
где мы с тобой растаем
в годы и расстоянья,
где даже расставанья,
лишь то, что будет...
точь-в-точь!

НЕ СПАЛОСЬ

Если что и есть на свете
Этом или том,
Так вопросы и ответы,
Мысли перед сном.

Серый день. Весь серый, серый,
И весна, весна.
Время есть любить и верить,
И беды не знать.

В день такой-то, век такой-то...
Впрочем, что скрывать:
Двадцать первого чуть только,
За окном Москва.

Нам ещё не спится, полночь,
С книгою в кровать...
Здесь поставим многоточье...
И не будем спать.

Это мы нашли ответы
На любой вопрос,
И так счастливы при этом –
И при всём при том.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Засыпает.
Поздно дом засыпает.
Забывает,
обо всём забывает.
Засыпает снегом
нас, засыпает.
Засыпаем,
а во сне всё бывает.

В первом детском этаже
сны такие,
что кричат от них порой
как большие,
им прижаться бы сейчас
к папе-маме
и оставить это счастье
на память.

Во втором —
живут тревоги другие,
здесь нас любят,
как и мы бы любили,
здесь в подушку плачут
и забывают,
что так в жизни очень часто бывает.

Только в третьем —
свет не гаснет ночами,
на вопросы там
себе отвечают,
оттого который год сердце ноет...
Ну, конечно,
всё мечталось... иное....

А на верхнем,
там, где к небу поближе,
время медленно течёт
и всё тише,
снегом ляжет за окошком
и точно,
что во сне
всё,
как и в жизни, не очень.

Забываем.
Обо всём забываем.
Засыпает снегом
нас, засыпает.

Всё кончается,
кончаются ночи,
вот понять бы для чего всё
и точка.

ПОНЯТИЕ О ПРЯМОМ ПУТИ

Уснуть мешали ветер и вода
иль шлёпанцы соседа:
вот когда
нет дела до него, и потому
он сетует на это.
Не спешу побриться на ночь, –
чистого белья
беспечность достается одному.

И снег, и молоко груди твоей,
причуда солнца, тень от наших тел...
Друзья и книги развлекали нас
ничуть не больше.
Впрочем,
тем они милей,
коль вспомнилось и шарканье дверей
непригнанных, и отчество вина.

Иначе Рождество – всё снег да снег,
как будто выбираем по спине кровать.
Подобная тоска – в остатках ужина,
где ложка на виду –
почти причина, тема для забот...
Когда бы не последняя строка.

Когда ещё пойму в своём углу
хоть что-то, –
непременно, по углу
пригну страницу.

Помнил наизусть
напрасно прежде я:
ленивая слюна
наследия.
Вот так же плотен
пот
уснувшей женщины и снег в лесу.

...Возможна эта прихоть – думать вслух,
покуда жмётся комната к стеклу;
подробности сейчас, как рукава,
с локтей протёрты – вдоль и поперёк;
отселе властвуют и пишутся стихи.
Легко, когда усталость такова.

1989

ЗАБЫЛИ ОБО МНЕ...

Что, если не зима, когда лишь зимы
одни – не тронуты любовною возней.
Знобит от холода, и женщина бессильна
понять, как трудно мне, так трудно ей одной.

О чём же я?.. О!.. Значит, увлечён я.
Коль солнце в полдень – искренна зима.
Хотя не разбираю: в зимах что я,
кто я?..
Горсть снега или горсть зерна?...

И некогда, не то, что вровень, следом
идти, любить.... На память до сих пор:
любил бы я тебя, твержу, ох, лето,
когда бы не тоска, как воинский набор.

В дремоте томик Пушкина расщеплен,
так часто, оказавшись не у дел,
слова почти не требуют прочтения,
что затевать – излишня канитель.

И подвергать их нынче пересказу
повременим, не стоит начинать,
теряя сон; ещё обвыкнуть глазу
во тьме нет сил, так эта ночь нежна.

Под утро мне покажется, – предметы
забыли обо мне, пока я спал.
Завидуй им, пускай они при этом
всего лишь стол да ложка у стола.

1993

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

П. Р-ой

Спасибо, если траур Ваш по мне.
Здесь где-то были крошки на столе:
ещё недавно Смерть картошку ела,
а до меня ей не было и дела.

Пришла ко мне. Сказала: «Голодна», —
и съела всё, что было, без вина.
Напомнила про кран — вода текла,
и то, что нет в окне у вас стекла.

Потом ещё спросила о стихах;
и очень долго этот день стихал,
пустяк невольный; вовсе не греша
последней из свобод, ты прочь ушла.

А сумерки, наверное, назло
под утро просто снегом замело.
Так с боку на бок крутит берега
на зиму повернувшая река.

1988

ЧУЖАЯ

Проморкло. Скоро снег взойдёт.
Мне снится женщина чужая,
освобождает от тенёт
мое жилище, обживая.

Она не скажет: «...Поделом.
Я от тебя ушла бы тоже».
Хотя бывает суше, строже,
когда в руке моей перо.

...Мы целый день ещё на «Вы»;
так до любви который раз;
а от того, что не правы —
темнее в ямочках у глаз.

Истерику и ночь, и снег
избегнув, милая, чужая,
всё кутается в сонный смех,
ни словом мысль не нарушая.

Как и было сказано,
что может быть радостнее,
чем встать до солнца и смотреть на огонь,
пробовать женщину
и потчевать баснями,
после любви
и опять в сон.

А во сне слушать,
как она любит.
Вот так – ровно руками плещет,
на спине плавая, –
луна в озере.
Что она любила бы ночь:
ночь куда укромнее,
если бы не тьма
и её козни.

Ничего в природе быть не может лучше
пёстрого пространства
утреннего сна,
что бежит под кожей,
холодком пристуженной,
голубою жилкой,
и не видно дна...

...если ты не знаешь.

Вчера было слово
и, кажется, что не моё.
А вот понимаю позднее,
уже произнёс:
в окнах востока — день.
Удивлён:
сумел не забыть,
хотя смысл непредвиденно прост,
знакомое слово.
А женщина нянчит дитя.
Ей выдалось время
почувствовать собственный крик.
И надобна воля
смеяться и плакать,
хотя,
к подробностям слова
я, знаю, ещё не привык.

ВСТРЕЧА

Полине Рожновой

Нет, не помню... Так ли? Ради Бога,
не тревожьте больше ничего.
Подождите; от любви немного
до любви. Наверное, легко —
нет, не знаю! Что? Ещё неделя
и дожди. Печаль моя светла...
Помню. Если ссорятся метели,
то сгорают. Будто бы — дотла.
Что вы! Что вы! Если будет время,
прокляните! К счастью простота.
Жизнь мою, моё стихотворенье
отпустите...
с чистого листа.

1988

ОСЕНЬ

Мокрому снегу неможется в сентябре.
Но утром кажется,
что проспал всю осень.
Взгляд не остановить на солнце.
На той горе
песок сыпучий.

Я люблю:
что сентябрь до бабы и дюж, и ласков.
Чтобы осень своё прошла насквозь,
чтоб не осталось даже рядить во что
ветер,
хоть октябрь срывай с петель.

Женское тело нагое в рост:
никуда и не спрячешь свою нежность.
Что нам застрявший меж звёзд воз,
пока мы любим прилежно.

Что нам по осени счёт цыплят?
Вот уж и осень шмыгнула белкою
в ветках верхних;
даже у солнца из-под пят
уходит земля,
медленно и верно.

ЗИМА

Мы переждали осень и зимой
протапывали в дни-тропинки.
Проще могло ли быть? –
три месяца всего:
стужаево... и снова сечень.
Впрочем, есть просинец.
Привольно ли ему
меж братьев двух, имён не зная их?
Откуда-то всё это...
потому
две куколки, две странницы, меж книг
под переплёты спрятались от рук.

Но и тогда, мы, судя по всему,
протапывали дни не без причины.
Забьётся бабочка от голоса мужчины,
почти на ощупь приведёт к стеклу.
А в свой черёд прочитанные буквы
прихватывают воздух на бегу.
Наверное, неровное дыхание
приходит, словно жажда у ручья,
уснуть мешая ночью.
По ночам
возвышенность луны, как вырез платья.

На этом останавливаться рано.

Покуда плачет женщина, пустяк
уже не служит поводом для спора,
когда, спеша, расстёгивают ворот
и зажигают спички о косяк.

И всё-таки мы только вспоминаем,
так заиканье ложечек в стаканах
ещё живет и бьётся возле нас,
уснуть мешая ночью: по ночам
возвышенность луны, как вырез платья.

...И всё-таки, мы только вспоминаем,
сколь тесной паутиной на свету
прихвачена листва.

Рассвету впору
переболеть и, подобрав к листу
листок, дать повод к разговору:
смысл чисел или паузы, повторы,
мысль близкую иль вовсе о другом,
но, в спешке позабытом;
так окно
вдруг ветер перехватывает скоро,
и стёкла выбираются рукой.

Но почему же память ни на шаг
не отпускает?

Или ей мешает,
меж далей двух – дождь,
просека лесная...

Нам надо выйти к просеке,
на свет,
столь долгожданный...

И какое дело
нам до вчерашней сухости речей,

когда вокруг почти от пустяка
меняют форму неба – облака.

Какое дело?

Если не для нас

и сами мы. Пожалуй, ни к чему.

Кому по духу или по уму –

то, прежнее, что было нам знакомо
излишне громко.

За листвою ручей

не отличить от шороха земного.

Лишь женщина предчувствия полна:

ночь каждую, она того не зная,

покуда, плачет;

будет жизнь светла

меж далей двух, как просека лесная.

1991-2004

П. Р-ой

У Ваших глаз летит ночная птица,
так много в стае снега по весне...
Ещё боюсь, отзимовавши, вскрыться,
перевернувшись лодкою во сне.
Ещё боюсь я без любви, без дела
и без детей, ведь мелочи и те
наперечёт. Когда и Бог не доглядел
за нами, хоть бы Муза приглядела.

Конечно: Муза, милая, колени
перед тобой на равных преклоня,
обереги, не оставляй в сомненье
житейском,
дни и так редки.
Не принуждай к небытию... Работа
Подмогой мне – единственно.
Душа
при женщине любимой,
а ума
не требуется многого в дремоте.

С трудом, конечно, при жене, при детях,
но дороги они. Без них я – дрянь.
Простят ли, Муза? Жизнь без них редееет,
и слог редееет – стало быть, не зря.
Хотя без них нашествия соседей
лишён я буду...
Боже, до чего
уводит мысль, но проще мне с кривой
той мыслью,
медленней.

1991-2004

Снег пошёл. Да это небо
Тянется к земле.
Чтобы нам, кому там не́ быть
Жить не по себе.

Чтобы тело прозябало
Не с того, что стынь.
Потому что оторваться
Трудно от земли.

ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ

I.

Как ты устал. Скажи, что ты устал.
Земную злую жизнь и боль, и скуку,
ни рук, ни ног не чувствуешь, уста
твои
не следуют ни разуму, ни звуку –
всё – есть и нет.
Скажи, что ты устал.

Как ты устал.
Не удержишь, скажи,
как вынес ты сомненья и насмешки,
тех, чьи лишь имена, а не дела и жизнь...
Потопом смыты...
Ты перескажи,
как стёр поток их торжество на веки.

II.

— Когда мы шли в ковчег, вы проклинали нас.
Вам было не понять, что с нами происходит.
Мы оставляли с вами вашу власть.
Мы от небес не отводили глаз.
Мы верили. Мы убирали сходни.

Мы верили, что беды все пройдут,
и прежнее уже не повторится,
оно лишь в янтаре останется, во льду,
замрёт на слове или на ходу...
Мы к свету обращали наши лица.

III.

...И всякой плоти, чтоб в живых осталось!
Как повелел Господь, так ты и сделал:
и бабочки, и птицы... всё вмещалось
в единое... ползло, рычало, пело,
своими именами называлось,
а главное – цвело, росло и зрело.

Нам не было покоя, забытья.
Рвались, ревели, звали эти звуки!
Как быть им взаперти, когда у них весна!
Ковчег качало. Крепли жизни сгустки.
И всякой плоти не было числа.

IV.

Мы только-только начинали жить.
Я до сих пор не понимаю, как же
всё бросили, поверив, что любить
так надо, чтоб Ему не стало страшно
за нас...
и нам досталось жить.

И края нет земли, хотя века прошли,
и те, кто нас не знал, и мы кого не знали,
всё кануло.
Ковчега борт дрожит
под натиском воды.
Как мучился Ты с нами!
Не это ль главное? – Любить – до дна души.

V.

Как будто я – Адам, ты – Ева;
в тех краях
ни краткой тропки нет, и нет дороги долгой;
и даже пыли нет,
одних имён пра-прах
и память пра-пра-предков... Вера... Страх...
... покинули, а эхо не умолкло...

Возьми же яблоко.

На случай, если мы вернёмся в мир опять,
всегда возможность есть
свести концы с началом,
нам есть к кому придти и передать,
то, что смогли с тобой в пути немало,
гонимые и грешные – понять.

ПЕСЕНКА О ТАЙНЕ

Это весна.
Это просто весна.
Это блажь.
Это сонная женщина только что сладко проснулась.
Посмотри за окно,
это снег,
это свет ещё белый,
он наш;
как по-детски на эти слова ты сейчас улыбнулась.

Будет утро и кофе,
а прежде разбудит капель;
и детишки услышат чуть раньше, чем мы, и проснутся.
Нам бы тоже забыть,
что там завтра...
сегодня...
теперь;
ах, не важно совсем, чем там завтра деньки отзовутся.

И сегодня не будет,
и завтра не будет,
и впредь...
Только снег и капель,
жизнь бежит,
и река берега покидает;
может, эта вода не позволит в аду нам сгореть,
если мы ненароком не выгребем к берегу,
к раю.

Это просто весна.
Это доброе утро, малыш.
Это тайна земли рвёт запруды и места не знает.
Это счастье
потом ты когда-нибудь вспомнишь, а мы...
мы мечтали...

Ты поверь,
всё, что в этом краю полюбило, уже не умрёт.
И не канет;
а только растает,
растает...
Между ночью и днём,
между списками прошлых времён.
Ты зажмурься сильнее:
это солнце слепит,
это тайна.

«РВАЛИСЬ, РЕВЕЛИ, ЗВАЛИ ЭТИ ЗВУКИ!...»

Поэзия — замкнутое, одинокое мироздание, и вход сюда доступен не каждому. Стихотворчество поэта Бориса Лукина непросто и требует предыстории. Остановись, прохожий, и вслушайся в гармоническую музыку строф.

*Уходит время в память, в холода,
как дальняя гроза, теряя силы.
Наверное, не всех, но навсегда,
Нас выбирает по сердцу Россия.
(«Любовь»)*

Есть мелодия неба, и она неустанно, взываяще требует напряженного внимания себе. Если скользнёшь по её коюёму, если приникнешь сердцем, то родится в мировой ночи искра, будто чиркнули по кремню.

*Всем существом в поэте быть в разладе,
когда мечта о слове, как о яде,
о верном друге, о подручном.
(«Глина»)*

Слово, что оно? Почему влечёт к себе всё существо иззябшей души? Мы тонем в Слове, страждем и умираем в нём и вновь воскресаем для будущей, преображенной жизни. Кто тебя выдумал, Слово? Ответ один: предвечный Бог.

*И на этой земле,
И на той земле –
Умирают все...
Но, Божьим промыслом,
Жив поэт
И песню поёт вослед.*
(«Поэт»)

Что второе после Бога на земле? Человек. Это не единичная особь, как нам пытается навязать цивилизация. Человек = мужчина + женщина. «Прилепитесь друг ко другу и станете во едину плоть», – рек Господь Адаму и Еве. Любовная лирика – вторая натура поэта Лукина.

*Лишь женщина предчувствия полна:
ночь каждую она, того не зная,
покуда, плачет;
будет жизнь светла
меж далей двух, как просека лесная.*
(«Зима»)

Улететь, оторвавшись от прилипчивой земли, можно только вдвоём, одинокий человек бескрыл и неприкаян:

*Я вот тоже летаю
порою с ней,
с любимой, единственной, –
грешный...
когда обниму.*
(«Одиночество»)

Родина сродни любимой. Вот по весне просыпается земля. Заспанное лицо её омывают талые внешние воды. Разглаживаются складки на челе. Ясняются глаза озёр. Мы слишком долго ждали этого пробуждения, напряжённо, крадучись ходя на цыпочках. Боясь потревожить чуткий сон земли, об-

ложенной снегами. Но вот тронулись льды на реках, и небо посветлело вдруг. Чувство к женщине и чувство Родины — два опорных крыла творческой музы Лукина:

*Ещё не знаю тебя, Россия, ещё не знаю.
Я сытым видел и колос спелый, и соль на хлебе.
Я помню, в детстве была такая страна лесная,
Где твердь отвесна, где вяжут тело земные хляби.*
(«Понятие о прямом пути»)

Между Родиной и любимой женщиной идет непрестанная переключка в душе поэта. Порой они неразличимы. Обе они трепетно тревожат его мысль. Обе вдохновенно близки. Кого предпочесть из них? Для поэта не может быть выбора, ни даже колебания: обе родные, единственные, желанные. Нежности хватит на обеих:

*Ночь перестала... Как тебе спалось?
А всё-таки, природа не бессильна.
Откуда же, скажи, душе далось
Предчувствие рождения и ливня.*
(«Любовь»)

К кому обращены эти строки? Двух мнений быть не может: любимой-земле. На них двоих, как на Даная, ниспадает золотой дождь небес. На них обеих лежит благословение поэтического слова. В неразсторжимое двуединство слились женщина и лелеющая человека земля. Вот, что счастливо отличает поэзию Бориса Лукина и даёт ключ к её пониманию.

*А когда
у пропасти дно, и у неба твердь,
и луна
отражает свет глаз её...*
(«Одиночество»)

Хотя формула стиха и мелодика ритма поэта подчас прихотливы, но совершенно подстать стихоритму теперешности.

Стихи Лукина предполагают неоднократное прочтение, вживание в них. Но, вжившись в это мироздание души, уже трудно оторваться.

*Какое яблоко без пятнышка?
Какая женщина не ведьма до любви?
Какое солнце, если некому назвать его?
Какие мы, когда и травы на крови?*
(«Жизнь»)

Красная нить творчества Бориса Лукина — земное счастье.

«Да, счастье земное, а не рай земной», дополнил он в одном из наших разговоров. Счастье, при котором себя не помнишь на земле.

Любовь земная, как призрачная тень благодатной любви небесной, трепещет живым нервом в поэзии Лукина.

Всё явственно поэту на земле и на небе.

*Ни о чём не рассуждая,
всё страданье и любовь,
на земле лишь тени рая,
корни слов.*

И как всякому мирозданию, поэтическому мирозданию Бориса Лукина нужен человек. Адам. Словом, свой читатель.

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАДПИСЬ НА КНИГЕ	3
ЭТА КНИГА	4

1. КАМЕНЬ

ПОНЯТИЕ О ПРЯМОМ ПУТИ	6
ЛЮБОВЬ	7
ГЛИНА	8
ВЕЧЕР. ВЕЧНОСТЬ. ЛЮБОВЬ	10
СОВРЕМЕННОСТИ	12
ИСКУШЕНИЕ	13
КАМЕНЬ	14
<i>«Странно будет, если не успею...»</i>	16

2. ЗАВЕТНЫЕ СЛОВА

<i>«В декабре по утрам сани...»</i>	18
РОДИТЕЛЬСКОЕ	19
ОДИНОЧЕСТВО	20
ЕСЛИ Я ЗАХОЧУ ПОВТОРИТЬ	22
НОЧНОЕ	24
В ПУТЬ (из романа)	25
ПЕСЕНКА О РАЗЛУКЕ	28
ЗАСТОЛЬНАЯ	30
РОМАНС	31

Долгота времени	77
-----------------------	----

3. САМОЕ МОЁ

«У соседа упала скворечня...»	34
СЧАСТЬЕ.....	35
ПОБЕГ	36
БОЛЕЗНЬ.....	37
1. «Хорошо болеть, чтоб всё забылось...»	37
2. «Бог сна стоял у изголовья...»	38
ВСПЯТЬ.....	39
«О, сколько можно говорить о прошлом...»	40
«А счастье, может быть, дорожкой...»	41
«За кладбищем, когда стемнеет...»	42
«Назвали память Мнемозиной...»	43
НОСТАЛЬГИЯ	44
НЕ СПАЛОСЬ.....	46
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	47

4. ПОНЯТИЕ О ПРЯМОМ ПУТИ

«Уснуть мешали ветер и вода...»	50
ЗАБЫЛИ ОБО МНЕ	52
ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	54
ЧУЖАЯ	55
«Как и было сказано...»	56
«Вчера было слово...»	57
ВСТРЕЧА.....	58
ОСЕНЬ.....	59
ЗИМА	60
«У Ваших глаз летит ночная птица...»	63
«Снег пошёл...»	65
ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ	66
I. «Как ты устал. Скажи, что ты устал...»	66
II. «Когда мы шли в ковчег...»	67
III. «...И всякой плоти, чтоб в живых осталось!»	68

IV. « <i>Мы только-только начинали жить...</i> ».....	69
V. « <i>Как будто я – Адам, ты – Ева...</i> ».....	70
ПЕСЕНКА О ТАЙНЕ	71
Послесловие: Александр Суворов.	
«Рвались, ревели, звали эти звуки!..».....	73

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Просим отзывы о книге –
её содержании,
художественном оформлении
и полиграфическом исполнении,
направлять по адресу: kerby64@mail.ru

Литературно-художественное издание

ЛУКИН БОРИС ИВАНОВИЧ
ДОЛГОТА ВРЕМЕНИ
ВТОРАЯ КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор – Г.А. Попов
Художник – Наталья Баженова
Буквицы – Нурислан Ибрагимов
Фото автора – Владимир Петухов
Корректор – Кристина Семёнова

Издательство ООО «Нонпарелл»
Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 75, стр. 1
Тел.: (495) 101-02-33, 101-02-62
Подписано в печать 31.10.07
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 84х108/32. Печ.л. 2,5.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Нонпарелл»

Светел и гармоничен поэтический мир Бориса Лукина, в нём есть место таким понятиям как «счастье» и «рай», в нём присутствует лёгкий взмах ангельских крыл, дыхание весны и предощущение прекрасного завтра.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«Счастье на память» – камертон Бориса Лукина. Память дышит. Она рядом. Это бывшее, которое живёт в нас, не имея никакого материального подтверждения.

Николай ИВЕНШЕВ

Стихи Лукина удивительны тем, что в них заключены раздумья, вызревшие из его внутреннего осознания себя и мира. Вновь перечитываю, задумываюсь, словно шёл по дороге и наткнулся на нечто необходимое моей душе и не враз понятное. Вслушиваюсь в иные публикации Бориса Лукина, и они лишь упрочняют мой взгляд на его творчество. И я продолжаю нынче жить в мыслительном «общении» с поэтом Борисом Лукиным.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Светел и гармоничен поэтический мир Бориса Лукина, в нём есть место таким понятиям как «счастье» и «рай», в нём присутствует лёгкий взмах ангельских крыл, дыхание весны и предощущение прекрасного завтра.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«Счастье на память» – камертон Бориса Лукина. Память дышит. Она рядом. Это бывшее, которое живёт в нас, не имея никакого материального подтверждения.

Николай ИВЕНШЕВ

Стихи Лукина удивительны тем, что в них заключены раздумья, вызревшие из его внутреннего осознания себя и мира. Вновь перечитываю, задумываюсь, словно шёл по дороге и наткнулся на нечто необходимое моей душе и не враз понятное. Вслушиваюсь в иные публикации Бориса Лукина, и они лишь упрочняют мой взгляд на его творчество. И я продолжаю нынче жить в мыслительном «общении» с поэтом Борисом Лукиным.

Олег ШЕСТИНСКИЙ